

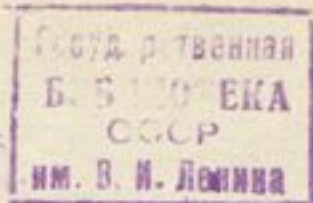
МУРЗИЛКА

№ 6

Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов 1956

Июнь

ОРАНЖЕВЫЙ

КАМЕШЕК

Л. ВОРОНКОВА

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА

Море слегка играло. Вода стала зелёной, на волнах появились белые гребешки.

В заливе было полно ребят. Они плавали наперегонки, кричали, качались на волнах.

Федя плавал и кувыркался в воде, как дельфин. Но вот удалось ему подняться на гриве самой большой волны, и волна помчала его к берегу.

— Данилка! — закричал Федя. — Эй, гляди!

Ему хотелось, чтобы Данилка видел, как он бесстрашно мчится на волне, какой он ловкий и отважный. Но Данилка уже далеко отошёл по берегу. Он слышал, что Федя зовёт его, но не обернулся, потому что увидел необыкновенный камешек. Сначала Данилке показалось, что на песке лежит раскалённый уголёк. Но это был камешек. Он лежал совсем сухой и всё-таки весь сиял и светился. И даже на песке от него, как от огонька, лежал оранжевый язычок.

Данилка поднял камешек. Он был гладенький и в руке также светился, даже чуть-чуть освещал ладонь.

Данилка крепко зажал его в руке и побежал к Феде.

А Федя уже вылез на берег. Он до того накупался, что еле дышал от усталости.

— Не смотрел, когда я кричал, — сказал он Данилке и сердито насупил белёные брови.

— Не смотрел... — ответил Данилка. — Гляди-ка, какой камушек! — И раскрыл перед Федей ладонь.

— Камушек, камушек, — так же сердито ответил Федя. И, даже не взглянув на камешек, ударил снизу по Данилкиной руке: камешек сверкнул огненной искоркой и пропал в набежавшей волне. Волна плеснулась на берег, бросила пену и ушла обратно. И оранжевый камешек унесла с собой.

Данилка бросился в море. Он нырнул под волну, опустился на дно. Он старался

разглядеть под водой свой камешек, надеялся, что тот сверкнёт ему с пёстрого морского дна. Но на дне синела и зеленела гладкая галька, солнечная рябь проходила по белому песку. И все самые простые и тусклые камни под водой сияли и блестели, будто драгоценные. Где ж тут найти среди них маленькую оранжевую искорку?

Данилка был под водой две секунды. А ему показалось, что он там пробыл очень долго. Он испугался, забил руками и ногами, сердце у него замерло: «Не выплыть! Не выплыть!»

Он выплыл. Но лишь увидел небо и край берега, как волна снова накрыла его с головой. Данилка изо всех сил пробивался к берегу, но волна тащила его назад. Данилка хотел закричать — и хлебнул солёной, горькой воды.

Тут его ноги коснулись песчаного дна, и Данилка, отбиваясь от волны, выбежал на берег. Он кашлял, плакал, дрожал...

Федя стоял около Данилки, смотрел, как он дрожит и плачет, и не знал, что делать. И зачем ему надо было наподдать этот камень? Федя знал, что Данилка нырять не умеет и боится волны. А уж если нырнул — значит, и про страх забыл и про всё... Значит, уж очень ему этот камень нравился.

— Ну что ж! — сказал Федя. — А зато нырять научился!

Федя знал, что Данилка ссориться не будет. Он сейчас нахмурится, сожмёт губы и молча уйдёт.

Но Данилка не ушёл. Он прокашлялся, протёр глаза, сел у самой кромки воды и стал смотреть на дно: а вдруг он всё-таки увидит свой оранжевый камешек?

Феде стало жалко Данилку. Уж лучше бы он рассердился или обиделся!

— Ну хочешь, я тебе красивый-красивый камень найду. А? — сказал Федя. — Хочешь, со дна достану?

Данилка покачал головой — мокрые волосы торчали у него на голове, как перья у воронёнка.

Понемногу все ребята собрались вокруг Феди и Данилки. И всем хотелось узнать: что же это за камешек, из-за которого Данилка под волну прыгнул?

— Он был такой чистый-чистый! — сказал им Данилка. — Не то розовый, не то жёлтый... А внутри будто огонёк горит. Даже руку освещает.

Тогда Петруша Огородников, — он был большой и сам собирал камни, — сказал:

— Я знаю, что это за камень был. Это был сердолик. Эх, жалко, что потеряли!

— Сердолик, сердолик! — закричал Васятка. — Да я знаю, где этих сердоликов хоть граблями греби! Важность! Перейти через перевал, спуститься на ту сторону к морю и итти по берегу до Лисьей бухты. Они там по всему берегу валяются!

— Эй, товарищ, — сказал ему Петруша, — ты ври, да не завирайся.

— Ничего не ври! — еще громче закричал Васятка. — А вы не знаете, что в Карадаге сердоликовая жила есть? Море её размывает помаленьку, отламывает по кусочку и на берег выкидывает.

Вечером Данилка долго глядел на тёмную Большую гору, на зубчатую вершину Кок-Кая. Там между Большой и Кок-Кая есть перевал. Через этот перевал идёт дорога в Лисью бухту.

Утром, после завтрака, Данилка исчез из дому. Он отправился к перевалу.

...Данилка шёл по крутой каменистой тропочке сквозь весёлый кустарник. Шёл по белой тропе среди побелевших от зноя высоких трав. Высоко поднялся. Оглянулся назад: далеко внизу краснеют черепичные крыши колхоза, и домики кажутся совсем маленькими.

Данилке стало жутко: совсем-то он один среди горных лугов и каменных отрогов. А на горах чудится ему то одно, то другое. Вот фигура какая-то стоит, будто шёл куда-то каменный человек, да остановился и стоит — не то думает, не то ждёт чего-то. То какие-то чудища с многими лапами прикили к скале и лежат, спят... Данилка торопливо прошёл мимо, пробежал через ложбину, усаженную дикими грушами и дубками, и вышел на перевал.

Слева, над морем, поднимались отроги Карадага.

Данилка поднялся на вершину, подошёл к обрыву, заглянул вниз и со страху сразу сел на землю. Оттуда глянула Данилке в глаза такая страшная пропасть, что сердце у него захолонуло: ему показалось, что он уже летит туда. Данилка прижался к земле и боялся пошевелиться: а может, кусок скалы, на котором он лежал, уже наклонился и повис над пропастью? Да! Так и есть! Скала уже качается, она уже ползёт вниз. И не удержаться Данилке и не убежать!

Но когда утихло немножко Данилкино сердце, то он понял, что Карадаг даже и не почувствовал, что кто-то ходит тут по его отрогам и обрывам.

— Вот так пригорочек... — пробормотал Данилка и отполз от страшного обрыва.

День становился всё жарче, всё горячее. Надо было скорей спуститься в долину и бежать в Лисью бухту. Но солнце так распылалось, что от зноя слепли глаза.

Данилка встряхнулся, вскочил, выбрался на дорогу. Теперь у него была только одна мысль: домой! Скорей бы добраться домой, напиться свежей воды, умыться и спрятаться под крышу от этой жары.

Данилка прибрёл домой далеко за полдень, когда солнце уже шло под уклон. Исцарапанные, сбитые о камни ноги болели. Он умылся холодной водой, достал свою коробку с камешками и уселся в холодок под тополь. Ну зачем он ходил? Измучился, а до сердоликов не добрался.

И опять горячая досада закипела в Данилкином сердце. Если бы не Федя, лежал бы у него сейчас в коробке оранжевый огонёк. Эх, наподдать бы этому Федьке! Пусть этот Федька теперь и к дому не подходит! Нет больше у него друга!

В это время во двор вошёл Федя. Он что-то зажимал в руке, и глаза его весело блестели.

Данилка насупился, опустил голову. Он не хотел даже глядеть на Федю. Но Федя подошёл к нему, улыбнулся и сказал:

— На!

И положил Данилке в коробку два камня.

Данилка чуть не рассыпал всю свою коллекцию. Он схватил Федины камни. Два крупных сердолика лежали у него на ладони, два чистых, прозрачных сердолика. Один — продолговатый, розовый, с фиолетовым пояском посередине. А другой — круглый, тёмный, почти вишнёвого цвета.

— Ой, — охнул Данилка. — Где же ты взял? А?

— Важность, — ответил Федя. — Пошёл в Лисью бухту и нашёл.

— Ты был в Лисьей бухте?

— А что ж такого? Утром влез к одному шофёру в кабину и прямо до санатория. А там десять шагов — вот тебе и Лисья. Только камни искал долго.

— Ты купался там?

— А как же? Я прямо так: в штанах и в рубашке. А потом хожу по берегу — и ничего, прохладно. Высохну — опять в море. Вот этот на песке лежал, — Федя взял в руки розовый сердолик, — а тот, тёмный, я у волны выхватил.

Данилка задумался, разглядывая камни.

Солнце уже село за дальними горами. Жёлтое небо еле светилось над лиловыми вершинами.

— Пойду гусей загоню, — сказал Федя.

— А завтра на виноградники пойдём? — спросил Данилка.

— А чего ж? Сходим, — ответил Федя. И пошёл домой.

Данилка вспомнил, что у него тоже дела. Надо кур накормить, надо за водой сходить... Он ещё раз любовался сердоликами, спрятал их в коробку, а коробку засунул под крыльцо, под щелястые ступени.

Ну что ж, вот теперь у Данилки есть и сердолики. И друг у него тоже есть. И если случится так, что Федя нечаянно обидит Данилку, то Данилка и не подумает сердиться на него.

ЗВУКИ ГОРНА

В. ТОВАРКОВ

Заиграл „подъём“ горнист.
Горн у Васи голосист,—
Мигом прогоняет он
Даже самый крепкий сон.

Льются звуки на площадке,
Проникают в дом,
В палатки...
— Эй!

Не прячьте ваши ушки
Под матрацы и подушки,—
Всё равно мы их найдём...
Веселей вставай!
Подъём!

В поле высохла роса,
Громче птичьи голоса,
Просыпаются цветы,
Шелестят листвой
Кусты.

— Веселей вставай!
Подъём!
С добрым утром!
С ясным днём!

ЛЕЙКА

Л. ДЕЛЯНУ

У меня есть лейка.
Ой, какая лейка!
Видели вы лейку
Новую мою?
Как луна сияет...
Если будет сухо,
Я её наполню
И цветы полью.

*Перевела с молдавского
Елена Благинина*

ЧЕМПИОНКА КУРИЦА

Е. ТАРАХОВСКАЯ

Гордо в клетке щурится
Чемпионка курица:

— Я за важные дела
Получила звание:
Триста штук яиц снесла
За год по заданию!

Ешьте, ешьте, уплетайте
Яйца и яичницу.
Уважайте, почитайте
Курицу-отличницу!

КАРМАНЧИК

В. КАРАСЁВА

Некуда Оле класть носовой платок. Бабушка задумала сшить ей карманчик. Достала она синий бархатный лоскуток и спрашивает Танюшу:

— Хочешь карманчик вышить?

Танюша охотно согласилась, и стали они с бабушкой думать, какую бы картинку поинтереснее вышить на карманчике.

Бабушка предложила красивый цветок или две красные вишенки. А Танюша сказала, что она больше всего любит котят и хочет вышить маленького котёнка.

Бабушка с нею согласилась, взяла кусочек мела и нарисовала на карманчике котёнка: самого настоящего, с головкой, с усами, с хвостиком, как он лапки поджал и сидит.

Танюша и нитку в иголку продеть может и узелок завязать. И шить она тоже умеет. Вместе с бабушкой она сшила недавно своему Мишке рубашку.

А вышивать и вовсе нетрудно. Делай стежок за стежком по белым полоскам, нарисованным бабушкой.

Но вышивать долго!.. И надо иметь терпенье. Целый час трудилась Танюша и вышила котёнку только спинку.

— Бабушка, — спрашивает она, — может, так и оставить? Я ведь уже устала.

— Устала, так отложи, а потом опять повышиваешь, — советует бабушка. — А так оставить нельзя. Где же ты видела кота без головы и без усов?

Отдохнула Танюша, а вечером снова захотелось ей поработать, и она вышила котёнку голову и усы.

— Ну, теперь хватит, — говорит она. — Мне уже хочется подарить Оленьке карманчик.

— Оля потерпит, — отвечает бабушка. — А носить карманчик с бесхвостым котом ей будет обидно. Ложись-ка ты спать, а завтра ещё потрудишься.

Утром встала Танюша со свежими силами, села у окошка, продела в иголку новую нитку и вышила котёнку хвостик.

— Теперь всё, — говорит бабушка. Взяла карманчик, прострочила его на машинке и пришила к нему голубую ленточку.

А Танюша положила в карманчик чистый платок и сама подарила его Оле:

— Носи на здоровье, сестричка!

ЛЕПКА

МАРИДЖАН

Лепит девочка из глины
Ушки, лапки, хвостик длинный.
Удивляется братишка:
Вышла серенькая мышка.

Шепчет мальчику сестрёнка:
— Посажу я мышку на пол,
Обмануть хочу котёнка, —
Он мне руку оцарапал.

Перевела с грузинского
З. Александрова

СЛЕПОЙ ОЛЕНЁНОК

СКАЗКА

ОРАСИО КИРОГИ

Рис. Е. РАЧЁВА

Однажды в семье оленей родились два оленёнка-близнеца, что у оленей случается редко. Но одного оленёнка сожрала чёрная пантера, и у матери остался только один. Другие олени очень любили малыша и, играя с ним, ласково щекотали ему бока.

Каждое утро, на заре, мать Оленёнка учила его мудрости старых оленей. Она говорила:

— Прежде чем есть листья, нужно хорошенько понюхать их, потому что бывают ядовитые листья.

— Прежде чем спуститься к реке пить, нужно внимательно осмотреть реку и убедиться, что там нет крокодилов.

— Каждые полчаса нужно высоко поднимать голову и нюхать ветер, чтобы уловить запах тигра.

— Когда ешь траву, нужно всегда внимательно смотреть, нет ли в ней змеи.

Когда Оленёнок хорошо усвоил эти уроки, мать позволила ему гулять одному. Однажды Оленёнок спокойно пасся в лесу и ел нежные листья кустарников. Вдруг он увидел прямо перед собой гнилое дерево. В дереве было дупло. Он заглянул в него и увидел свисающие ряды каких-то шариков.

Что бы это могло быть? Ему, конечно, было немножко страшно, но он был очень любознательным оленёнком. Он сильно боднул эти шарики и быстро отскочил назад. И тут Оленёнок увидел, что шарики лопнули и из них закапала какая-то жидкость. В то же мгновение из дупла вылезло множество жёлтых насекомых с очень тонкими талиями.

Оленёнок подошёл поближе — насекомые его не тронули. Тогда он осторожно, очень осторожно попробовал одну каплю кончиком языка и от удовольствия облизнулся: эти капли были мёдом, а шарики — сотами, куда пчёлы откладывали мёд. Пчёлы не кусались, потому что у них не было жала. Такие пчёлы бывают.

В две минуты Оленёнок съел весь мёд и, довольный, побежал рассказать об этом своей матери. Но мать серьёзно предупредила его.

— Будь осторожен с пчелиными гнёздами, сынок, — сказала она. — Мёд, конечно, вкусная вещь, но доставать его из гнёзд опасно. Никогда больше не трогай эти гнёзда, сколько бы их тебе ни попадалось.

— Но пчёлы не кусают, мама! — воскликнул Оленёнок. — Слепни и оводы, те кусают, а пчёлы нет, не кусают!

— Ты ошибаешься, сынок, — продолжала мать. — Сегодня тебе просто повезло:

есть злые пчёлы, которые больно жалят. И если ты не послушаешься и с тобой что-нибудь случится, ты очень огорчишь меня.

— Да, мама, да! Я буду послушным, — пообещал Оленёнок.

Но на следующее же утро, едва только взошло солнце, Оленёнок уже бежал по знакомым тропкам в поисках новых пчелиных гнёзд.

Наконец он увидел одно. На этот раз в гнезде были тёмные пчёлы с жёлтыми поясками. Гнездо тоже выглядело по-другому. Но Оленёнок подумал, что раз эти пчёлы были крупнее, то и мёд у них должен быть более вкусным.

На минутку он вспомнил слова матери, но решил, что она преувеличивала, как обычно преувеличивают матери оленят. И он с силой боднул гнездо.

О-о! Лучше бы он никогда этого не делал! Сотни, тысячи пчёл вылетели из гнезда и стали жалить его со всех сторон. Они жалили его в голову, в живот, в хвост и, что было страшнее всего, в самые глаза.

Обезумевший от боли Оленёнок бросился бежать. Он бежал, бежал и вдруг остановился: глаза его перестали видеть. Он был слеп, совершенно слеп. Так он стоял, дрожа от боли и страха, и жалобно плакал:

— Мама!.. Мама!..

...Начинало темнеть, а Оленёнка всё не было. Чувя недоброе, мать побежала в лес. После долгих поисков она, наконец, нашла своего ослепшего малыша и горько заплакала вместе с ним. Оленёнок склонил голову на шею матери, и так шаг за шагом, она довела его до своего логова. Все звери, которые встречали их, уступали им дорогу и сочувственно качали головой.

Бедная мать не знала, что делать. Какие лекарства могла дать она Оленёнку? Ей было известно, что в деревне, по ту сторону леса, жил Человек, который умел лечить. Человек этот был охотником, но говорили, что он был добрым Человеком.

Мать, однако, боялась вести своего малыша к Человеку. Но другого выхода не было, и она, наконец, решилась. Но прежде она решила встретиться с Муравьедом, который был большим другом Человека.

Она оставила Оленёнка в надёжном укрытии и побежала через лес, где её чуть

не настиг тигр. Когда она добралась до жилья своего друга, то от усталости не могла уже сделать ни одного шага.

Её другом, как мы уже говорили, был Муравьед. Он был из той мелкой породы муравьедов, которые имеют жёлтую окраску, а поверх жёлтого цвета нечто вроде чёрной майки с двумя ленточками на плечах. У муравьедов очень цепкий хвост, потому что они всегда живут на деревьях и любят висеть на хвосте.

Итак, бедная мать добралась до жилья Муравьеда.

«Тук, тук, тук!» — стучала она, тяжело дыша.

— Кто там? — спросил Муравьед.

— Это я, Олень.

— А-а! Что хочет Олень?

— Я пришла просить у тебя письмо к охотнику... Мой сын, мой Оленёнок ослеп!

— Оленёнок? — удивился Муравьед. — Он хороший малыш. Для него я сделаю всё, что ты попросишь. Но писать ничего не надо. Покажи охотнику вот это, и он тебе поможет.

И Муравьед протянул ей кончиком хвоста сушёную голову змеи.

— Спасибо, друг, — поблагодарила обрадованная мать. — Ты такой добрый!

И она побежала домой, потому что уже было поздно и скоро должно было светать.

Добравшись до своего логова, она забрала Оленёнка, который не переставал стонать, и они отправились к Человеку. По деревне олени шли очень тихо и прижимались к стенам, чтобы их не учуяли собаки.

Наконец они остановились перед домом охотника.

«Тук, тук, тук!» — постучали они в дверь.

— Кто там? — раздался голос.

— Это мы, олени! У нас есть голова змеи! — поспешила сказать мать, чтобы Человек знал, что они друзья Муравьеда.

— А-а! — сказал Человек, открывая дверь. — Что случилось?

Тогда мать ему рассказала всю историю с пчёлами.

— Гм! — сказал Человек. — Давайте посмотрим, что с малышом.

Он внимательно осмотрел глаза Оленён-

ка с помощью большого круглого стекла, а мать подсвечивала ему фонариком, который висел у неё на шее.

— Это не страшно, — сказал, наконец, охотник. — Надо только запастись терпением. Вот вам мазь. Каждый вечер мажьте ему глаза этой мазью и двадцать дней держите его в полной темноте. Потом наденьте ему эти жёлтые очки, и он снова будет видеть.

— Спасибо, охотник! — поблагодарила растроганная мать.

— Всегда рад помочь, — улыбнулся охотник. — Но будьте осторожны: через дом отсюда живёт человек, который держит собак для выслеживания оленей.

Мать всё делала так, как сказал охотник. Но скольких трудов стоило ей двадцать длинных дней удерживать Оленёнка в дупле большого дерева!

И вот в одно прекрасное утро мать сдвинула головой большую кучу ветвей, которыми она закрывала дупло от света, и Оленёнок выбежал в своих жёлтых очках и весело закричал:

— Вижу, мама! Я вижу всё!

А мать, склонив голову на ветви, тихо плакала от радости и тайком утирала слёзы.

Оленёнок вылезся. Но хотя теперь он был и здоров, и полон сил, и мог сколько угодно играть и веселиться в лесу, одна мысль не давала ему покоя и печалила его. Он хотел от всей души поблагодарить Человека, но не знал, как это сделать. Наконец ему показалось, что он придумал. Оленёнок побежал на озеро и стал соби-

рать на берегу перья серой цапли, чтобы подарить их охотнику.

Охотник тоже часто вспоминал маленького Оленёнка, которого он лечил. И вот однажды вечером, когда Человек читал в своей комнате, кто-то постучался к нему.

Охотник открыл дверь и увидел Оленёнка с мокрым пучком перьев серой цапли. Охотник весело рассмеялся, а Оленёнок решил, что Человек смеётся над его подарком, и ушёл опечаленный.

Тогда он набрал самые крупные и сухие перья и снова пришёл к дому охотника.

Теперь уже охотник не стал смеяться, потому что Оленёнок не понимал смеха. Наоборот, Человек угостил его мёдом, который Оленёнок съел с удовольствием.

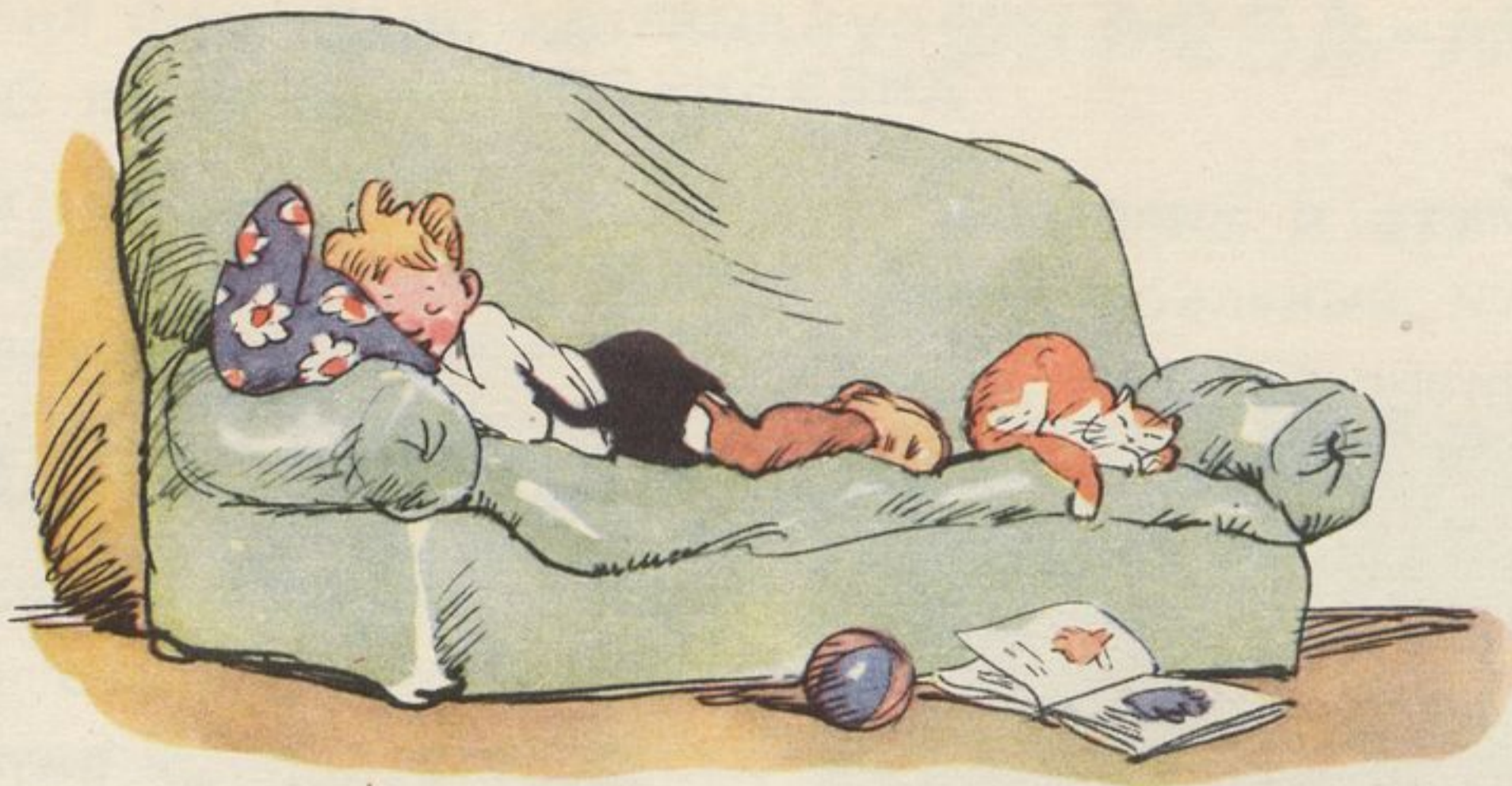
С тех пор Оленёнок и охотник стали большими друзьями. Оленёнок приносил ему перья серой цапли, которые были очень красивы, и целыми часами просиживал у Человека. Охотник же всегда ставил на стол полный кувшин мёду для своего маленького друга.

Так они сидели вместе, смотря на огонь в печи, и слушали, как на дворе шёл дождь и ветер шуршал соломенным навесом крыш.

Оленёнок боялся собак и приходил только в дождливую погоду. И поэтому, если вечером начинался дождь, охотник ставил на стол кувшин с мёдом и стелил салфетку. Он пил кофе и читал, ожидая, когда в дверь раздастся хорошо знакомое «тук-тук» его друга Оленёнка.

*Перевели с испанского и обработали
С. Гилянов, В. Низкий*

ДИВАН ДИВАНЫЧ

С. ПОГОРЕЛОВСКИЙ

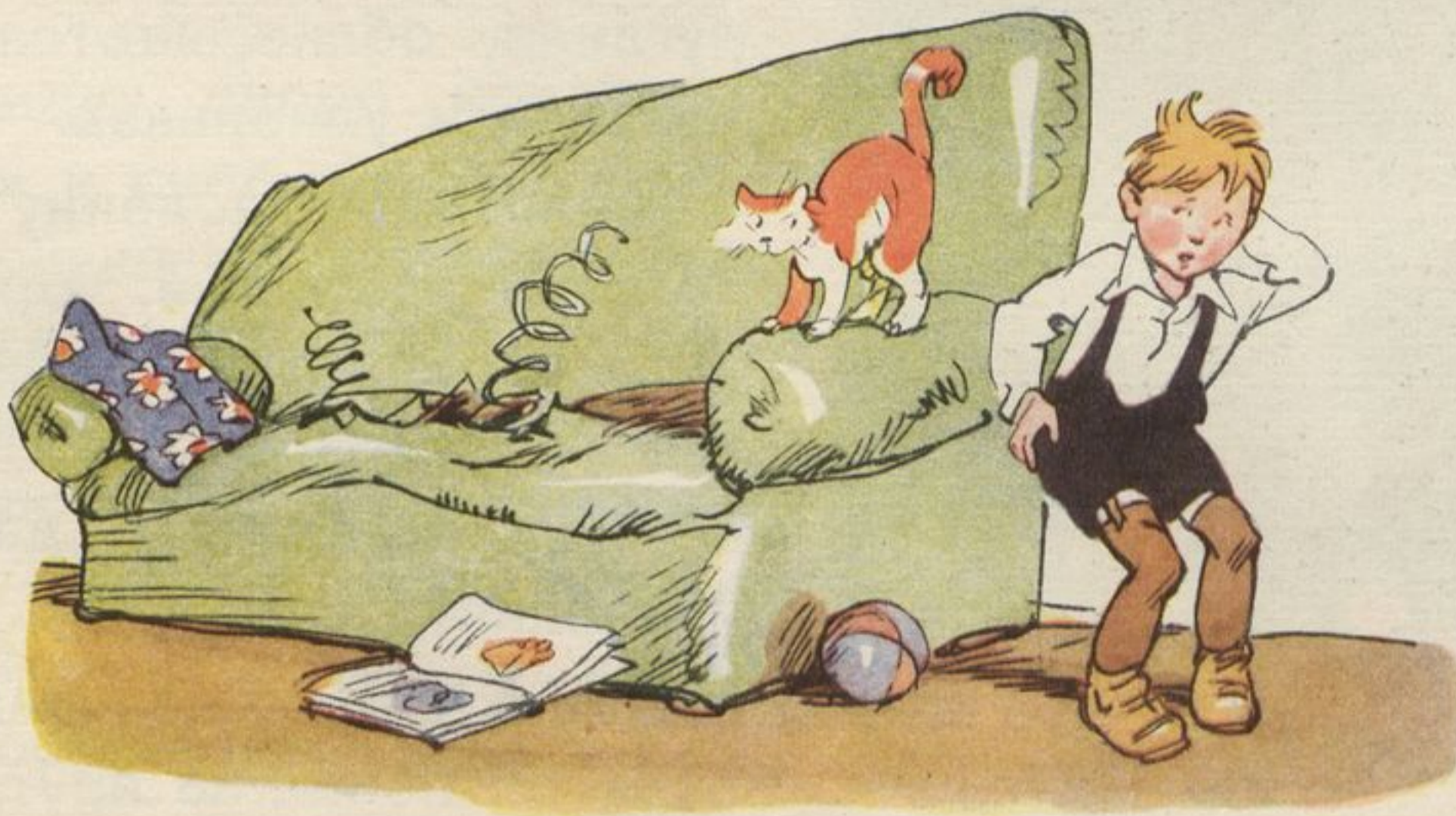
Рис. Ю. УЗБЯКОВА

Я хочу вам рассказать
Об Иван Иваныче.
Ох, любил же он поспать
На Диван Диваныче!

Расставаться не хотел
Он с Диван Диванычем.
Тот и охал и кряхтел
Под Иван Иванычем.

Ну и лодырь, — досадил
Он Диван Диванычу!
И пружину в бок всадил
Тот Иван Иванычу.

Отвязались лень и сон
От Иван Иваныча.
Даже сесть боится он
На Диван Диваныча!

НЕДОСМОТРЕННЫЕ Г Р И Б Ы

Дует северный ветер, руки стынут на воздухе. А грибы всё растут: волнушки, маслята, рыжики, изредка всё ещё попадаются и белые.

Эх, и хорош же вчера попался на глаза мухомор! Сам тёмнокрасный и спустил из-под шляпки вниз вдоль ножки белые панталоны, и даже со складочками. Рядом с ним сидит хорошенькая волнушка, вся подобранная, губки округлила, облизывается, мокренькая и умненькая.

А маслёнок маслёнку рознь: то весь дрызглый, червивый, а то попадается такой упругий и жирный, что даже из рук выскочит, да ещё и пискнет.

Вот стоит моховичок: вырастая, он попал на прутик, тот

разделил шляпку, и сделался гриб похожим на заячью губу.

Один большой гриб стал, как избушка, спустил свою крышку почти до земли—это очень старая сыроежка.

В осиннике до того теснит осинка осинку, что даже и подосиновик норовит найти себе ёлочку и под ней устроиться посвободней.

Вот почему если гриб зовётся подосиновиком, то это вовсе не значит, что каждый подосиновик живёт под осинкой, а подберёзовик живёт под берёзой. Сплошь да рядом бывает, что подосиновик таится под ёлками, а подберёзовик открыто сидит на поляне в еловом лесу.

Придут скоро морозы, а потом и снег накроет грибы, и сколько их останется в лесу недосмотренных!

Так вот жалко становится недоросшего, недосмотренного гриба в лесу, что так просто пропадёт и никому не достанется.

БЕРЁЗА-МАТЬ

Снегопад в эту зиму был такой обильный, что берёза одна, уж и не очень-то молодая, согнулась дугой, как бывает человек под старость согнётся и спина у него бы-

вает на ходу выше головы. Лето пришло, берёза не разогнулась и глядела вершиной своей в землю. Но в лесу не только дерево, а каждая травинка должна двигаться вверх, к свету, к солнцу. И когда погнулась берё-

за, то сучья по её спине все поднялись вверх и стали рядом расти, как все деревья, только не на земле, а на спине своей матери.

Год за годом молодые берёзки тяжелели, и берёзе-матери стало так тяжело, что она наклонилась до самой земли, и вместе с ней наклонились и дети. А дальше вышло, что на этих косых берёзках крепкие сучки тоже потянулись к солнцу.

Г Р И Б Ы ТОЖЕ ХОДЯТ

Осень глубоко продвинулась. Еловый подрост осыпан золотыми монетками берёз и красными медалями осин. В лесу ведь и в солнечный день сумерки, а тут ещё напала листва и скрывает от глаз серые, красные и жёлтые шляпки грибов.

— Есть грибы? — спросил я маленькую дочь лесника.

— Волнушки, рыжики, маслята.

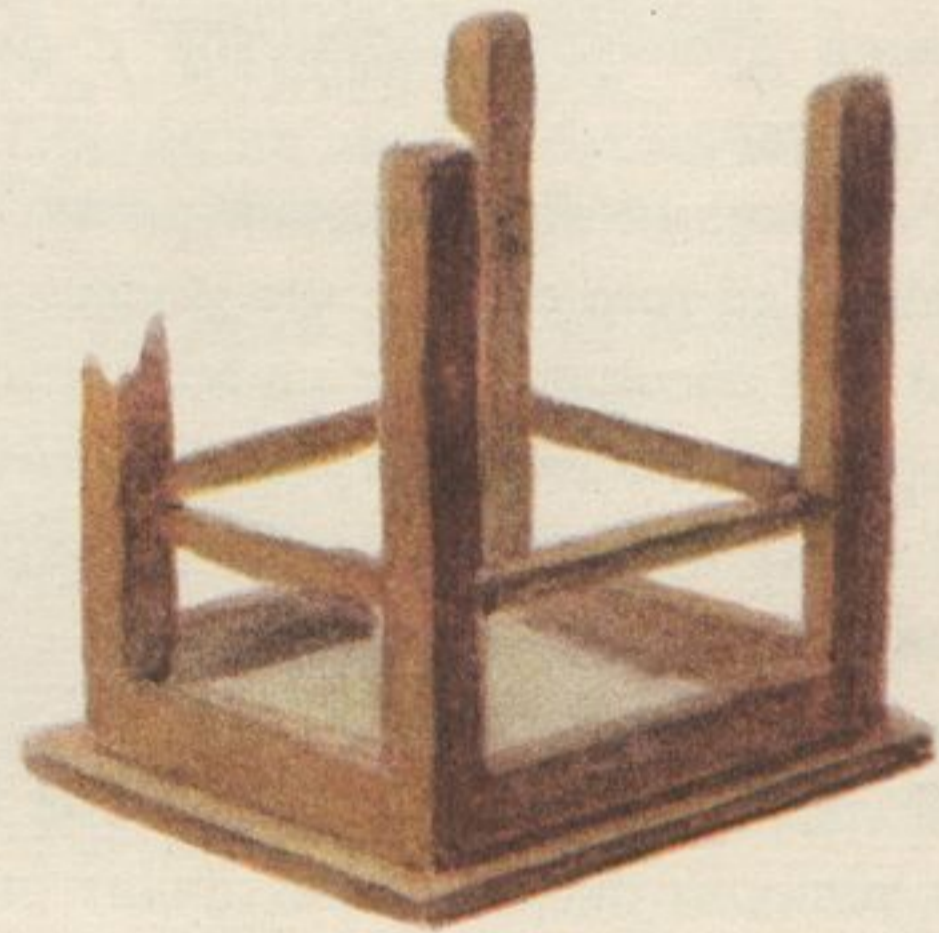
— А белые?

— Есть и белые, только теперь начинает холоднеть, и белые переходят под ёлки. Под берёзками и не думайте искать, — все под ёлками.

— Как же это они так переходят, видала ли ты когда-нибудь, как грибы ходят?

Девочка оторопела, но вдруг поняла меня и, сделав плутовскую рожицу, ответила мне:

— Так они же ночью ходят, как их мне ночью увидеть? Этого никто не видал.

ТАБУРЕТ

Табурет, а ножки нет —
Отломилась ножка.
Значит, надо табурет
Полечить немножко.

Приношу я из чулана
Молоток,
Пилу,
Рубанок.
У меня в любой момент
Наготове инструмент.

Я беру для ножки доску,
Провожу углём полоску,
Чтоб полоской отделить,
Сколько нужно отпилить.

Я пилю,
Пилю,
Пилю.
Я опилками пилю,
Под рукой поёт пила,
Под пилой блестит смола.

Улыбаясь, входит мама:
— Ну, сынок, идут дела?..
Я пилить стараюсь прямо,
Чтоб не съехала пила.

Мама хвалит,
Мама рада:
— Молодчина ты, сынок!..
Я держу пилу как надо,
Но пила отходит вбок.
Не беда, вот эту планку
Подстрогаю я рубанком.

Торопливо
Друг за дружкой,
Друг за дружкой
Вьются стружки
И сбегают на паркет
Золотой дорожкой.

Скоро старый табурет
Будет с новой ножкой!

ПТИЧКА-СЕСТРИЧКА

Мы жили тогда в лесу. Наш дом стоял на краю большой поляны, окружённой высоким сосновым бором. Позади двора шёл заросший дубняком, черёмухой и ольхой спуск к реке.

Перед окнами нашего дома росла большая липа, до того старая, что многие ветви на ней уже посохли. Были на поляне и другие деревья, но о липе я говорю потому, что на её сухих сучьях мы всегда видели мухоловку.

Интересная это птичка!

Небольшая, серенькая, с белёсой грудкой и усиками около клюва, сидит она на сучке тихо, как будто дремлет, и вдруг сорвётся с места, схватит муху и опять усядется на свой наблюдательный пункт.

Так она охотится целый день.

Мы с Севой любили наблюдать за нашей мухоловкой и всегда восхищались её ловкостью, проворством и неутомимостью.

Но вот появились у нашей мухоловки дети, и ей пришлось кормить сразу шесть душ. Мух надо было много, но, на её несчастье, начались дожди и все мухи спрятались. Носится мухоловка туда-сюда, просто с ног, как говорят, сбилась, а мух всё нет и нет. Севе стало до того жаль птичку, что он сам готов был ловить мух и носить их детям мухоловки. И тут пришла нам в голову хорошая мысль. Мы открыли окно и начали выгонять полотенцем мух из

комнаты. Наша мухоловка тоже не дремала и стала хватать их на улице.

Однажды погналась она за мухой, муха — к нам в окно, мухоловка — за ней и влетела в комнату. Мы притаились, смотрим, что будет дальше. Мухоловка осмотрелась и начала хозяйничать у нас, как у себя дома. Наберёт полон рот мух, слетает, покормит птенцов и опять летит в наше окно.

Утром как-то мы проснулись, а бабушка говорит нам:

— Что вы долго спите, ребята? Там какая-то красавица к вам уже целый час в окно стучится.

Мы глянули в окно, а это мухоловка просится в комнату. И такая дружба у нас завязалась, что Сева даже разговаривать с ней научился. Откроет окно, посвистит как-то по-особенному, мухоловка и прилетит тотчас.

Всё лето у нас ни в доме, ни на дворе мух не было. Залетит иногда мухоловка в комнату и начнёт все углы и закоулки осматривать, как санитарный врач какой или медицинская сестра. А бабушка ходит за ней и приговаривает:

— Не беспокойся, сестричка!.. Мух у нас, спасибо тебе, больше нет. Заразы никакой теперь не боимся. Ребята все здоровы, дай бог и твоим деткам того же.

Так и стали мы с тех пор звать мухоловку птичкой-сестричкой.

КОЛХОЗНЫЙ ПРУД

БОРИС ШИРШОВ

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА

Мы сторожим колхозный пруд
С приятелем вдвоём.
Там сотни карпиков живут,
Толстеют с каждым днём.

Их привезли издалека
В большом бачке с водой,
Гулять пустили из сачка
В пруд новый, молодой.

В пруду — раздолье для мальков:
Резвись, расти, полней!
Ни щук не бойся, ни жуков,
Ни злобных окуней.

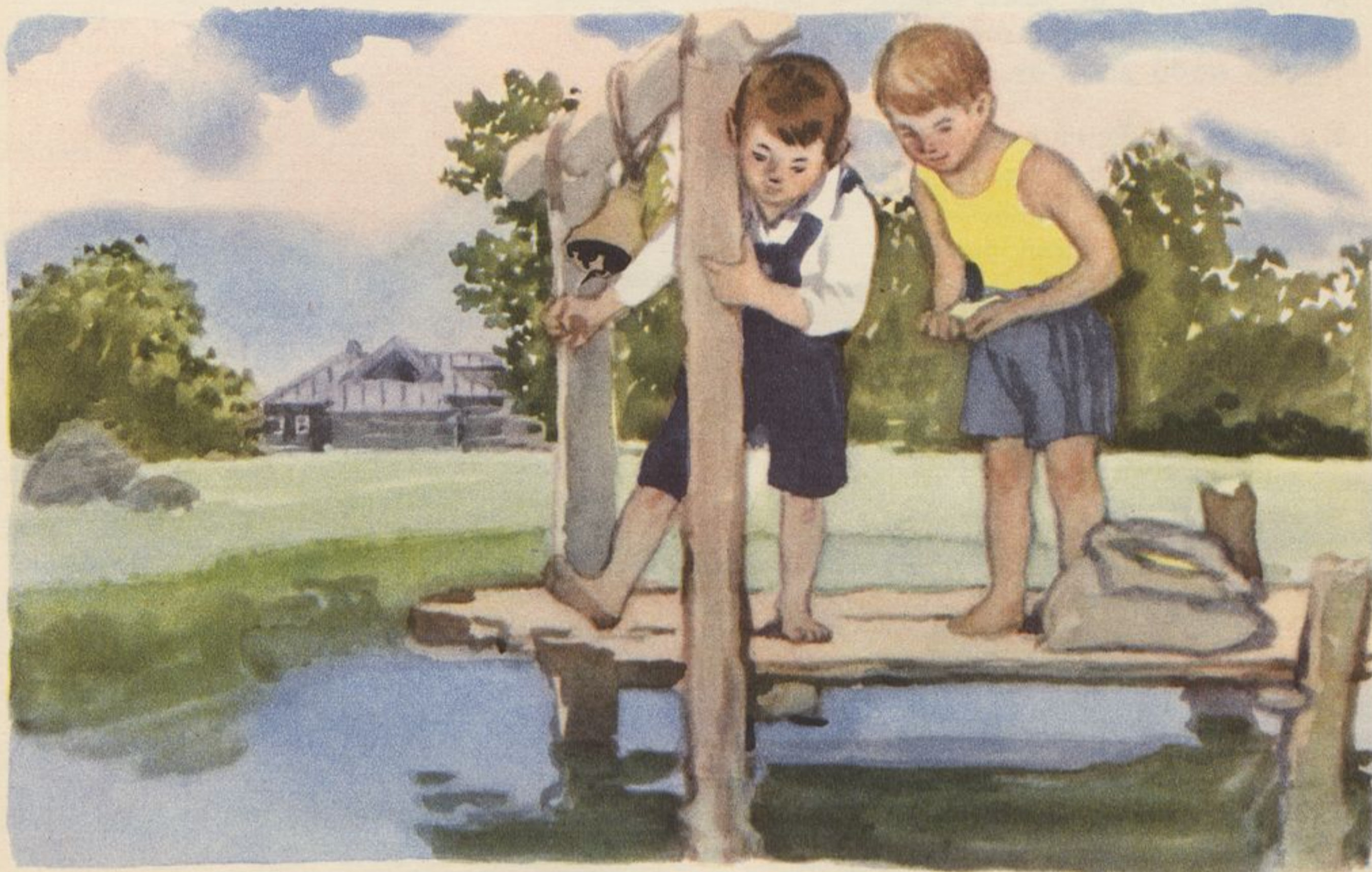
Мы пруд колхозный сторожим
Всё лето напролёт.

Для наших карпиков режим
Назначил рыбовод.

Я в колокольчик зазвонил.
Мы с мостика втроём
Глядим на дно, на бурый ил,
Своих питомцев ждём.

И услышав знакомый звон:
«На завтрак все сюда!» —
Плывут мальки со всех сторон
Из глубины пруда.

От них в воде черным-черно.
А сколько пузырей!..
Мы сыплем карпикам зерно:
«Растите поскорей!»

БЕЛАЯ ГОРА

МУСА ДЖАНГАЗИЕВ

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

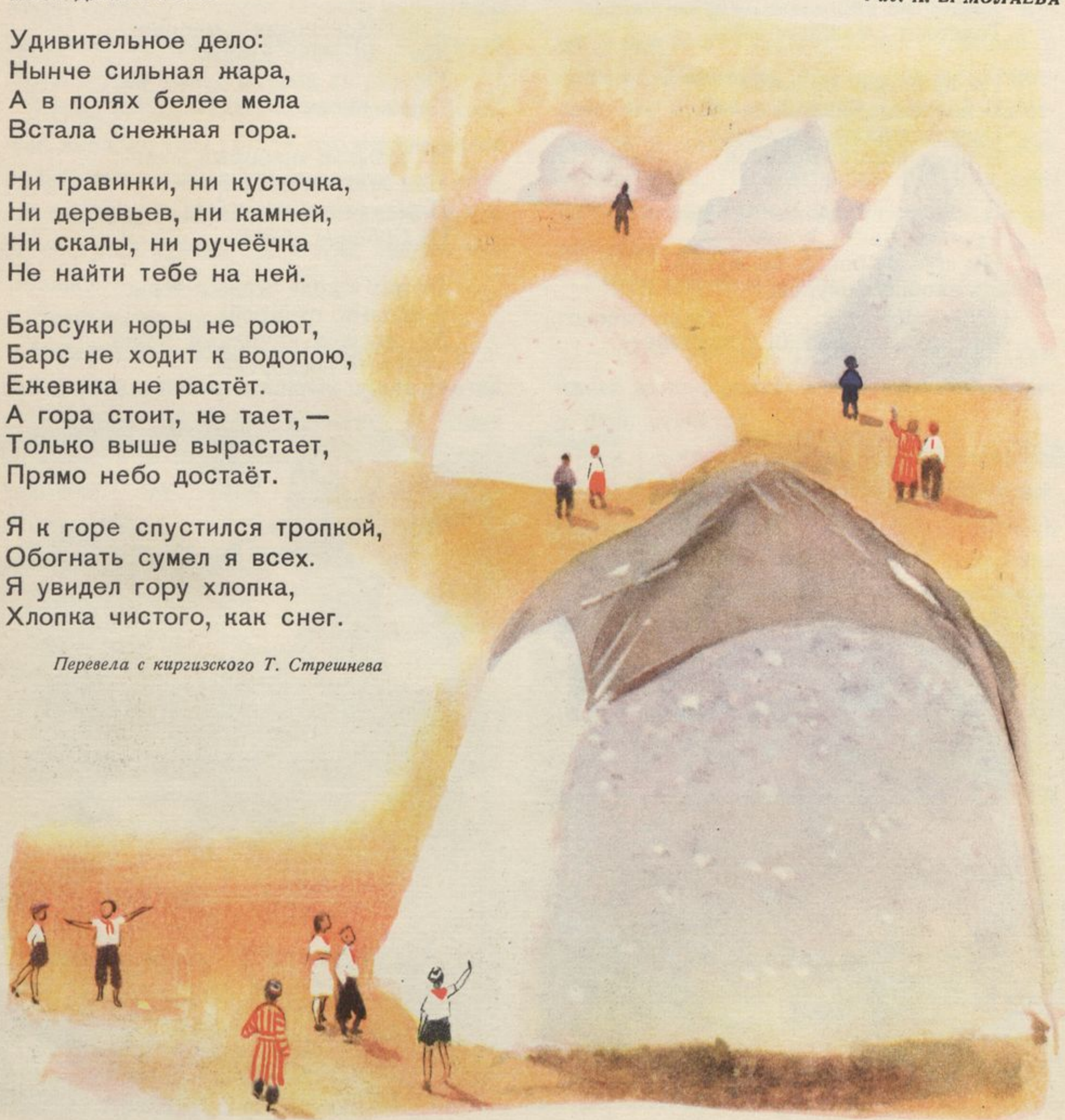
Удивительное дело:
Нынче сильная жара,
А в полях белее мела
Встала снежная гора.

Ни травинки, ни кусточка,
Ни деревьев, ни камней,
Ни скалы, ни ручеёчка
Не найти тебе на ней.

Барсуки норы не роют,
Барс не ходит к водоюю,
Ежевика не растёт.
А гора стоит, не тает, —
Только выше вырастает,
Прямо небо достаёт.

Я к горе спустился тропкой,
Обогнуть сумел я всех.
Я увидел гору хлопка,
Хлопка чистого, как снег.

Перевела с киргизского Т. Стрешнева

ГЕННАДИЙ СНЕГИРЁВ

У меня есть сестра Галя, она на год младше меня, а такая плакса, обязательно я должен ей всё уступать. Мама даст что-нибудь вкусное, Галя своё съест и ещё у меня просит, если не дашь — начинает реветь. Только о себе одной думала, но я её от этого отучил.

Пошёл я однажды за водой. Мама на работе, нужно было самому воды натащить. Зачерпнул полведра, вокруг колодца скользко, вся земля обледенела, еле до дому ведро дотащил, поставил его на лавку, смотрю, а в нём жук-плавунец плавает, большой такой, с мохнатыми ножками. Вынес я ведро во двор, воду вылил в сугроб, а жука поймал и посадил в банку с водой. Жук в банке вертится, никак привыкнуть не может.

Пошёл я снова воды принести, принёс чистой воды, ничего на этот раз не попалось. Разделся и хотел посмотреть жука, а банки на окне нет.

Спрашиваю у Гали:

— Галя, это ты жука взяла?

— Да, — говорит, — я, пусть он в моей комнате стоит.

— Почему же, — говорю я, — в твоей, пускай жук общий будет!

Беру из её комнаты банку и на окно ставлю: мне ведь тоже хочется на жука посмотреть.

Галя заплакала и говорит:

— Я всё маме скажу, как ты у меня жука отнял!

Подбежала к окну, схватила банку, воду на пол расплескала даже, и опять к себе поставила в комнату. Я разозлился.

— Нет, — говорю, — жук мой, я его поймал, — взял и обратно банку на окно поставил.

Она как заревёт, одеваться стала.

— Я, — говорит, — в степь пойду и замёрзну там из-за тебя,

«Ну, — думаю, — и пускай!» Она всегда так: если не дашь чего, так сразу пугать начинает, что замёрзнет в степи.

Хлопнула она дверью и ушла. Смотрю я из окна, что она делать будет, а она идёт

прямо в степь, только тихо-тихо, ждёт, когда я за ней побегу, «Нет, — думаю, — не дождёшься, хватит, побегал за тобой!»

Идёт она, снег ей по колени, и руками за лицо держится: ревёт, значит. Всё дальше и дальше от дому уходит в степь. «А что, — думаю, — и взаправду замёрзнет?» Жалко мне её стало. «Может, пойти за ней, вернуть? И жука мне не нужно, пускай себе насовсем берёт. Только опять будет всегда устраивать рёв. Нет, лучше подожду, будь что будет!»

Далеко ушла, совсем маленькая точка только видна. Хотел я уже одеваться, за

ней итти — смотрю, точка всё больше становится: обратно, значит, идёт. К дому подошла, руки в карманах держит, смотрит себе под ноги. Боится глаза поднять: знает, что я на неё смотрю из окна.

Пришла домой, разделась молча и ушла к себе в комнату. Долго там сидела, а потом подошла к окну и говорит:

— Какой хороший жук, его покормить надо!

Стали мы за жуком вместе ухаживать.

Когда мама с работы пришла, Галя ей ничего не рассказала, и я тоже.

ЗАГАДКИ

А. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

ЗЕРКАЛО

Глядятся в него
Молодые рябинки,
Цветные свои
Поправляют косынки.
Глядятся в него
Молодые берёзки,

Свои перед ним
Поправляют причёски.
И месяц и звёзды —
В нём всё отражается.
Как зеркало это
У нас называется?

САДОВНИК

Это кто, такой садовник?
Полил вишню и крыжовник,
Полил сливы и цветы,
Вымыл травы и листья.
А как сумерки настали,
Нам по радио сказали,
Что и завтра он придёт
И польёт наш огород!

КТО Я?

Ты не клюй меня, дружок,
Голосистый петушок!
В землю тёплую уйду —
Кверху колосом взойду.
В нём тогда таких, как я,
Будет целая семья.

КУКОЛЬНЫЙ ДОМ

РУСУДАН КЕБУЛАДЗЕ

Рис. А. БАНДЗЕЛАДЗЕ

На одной из улиц в городе Тбилиси стоит маленький дом.

А в этом доме живут весёлые-развесёлые человечки.

Знаете, кто они?

Маленькие грузинские куклы — друзья всех тбилисских ребят.

Живётся им здесь прекрасно, и расположились они кому как нравится: кто в полированных шкафах за хрустальными стёклами, кто на полках, а кто просто на столах. Тут и куклы из лоскутов с красиво расшитыми лицами, как делали их в старину, тут куклы важные и серьёзные, танцующие и поющие. Есть у этих кукол и

свой игрушечный дом и свои игрушки: пробковые кошки и собаки, львы и тигры, жираф с длинной-предлинной шеей и ещё вязаный крот, лягушка и ёж — одним словом, целый зоопарк.

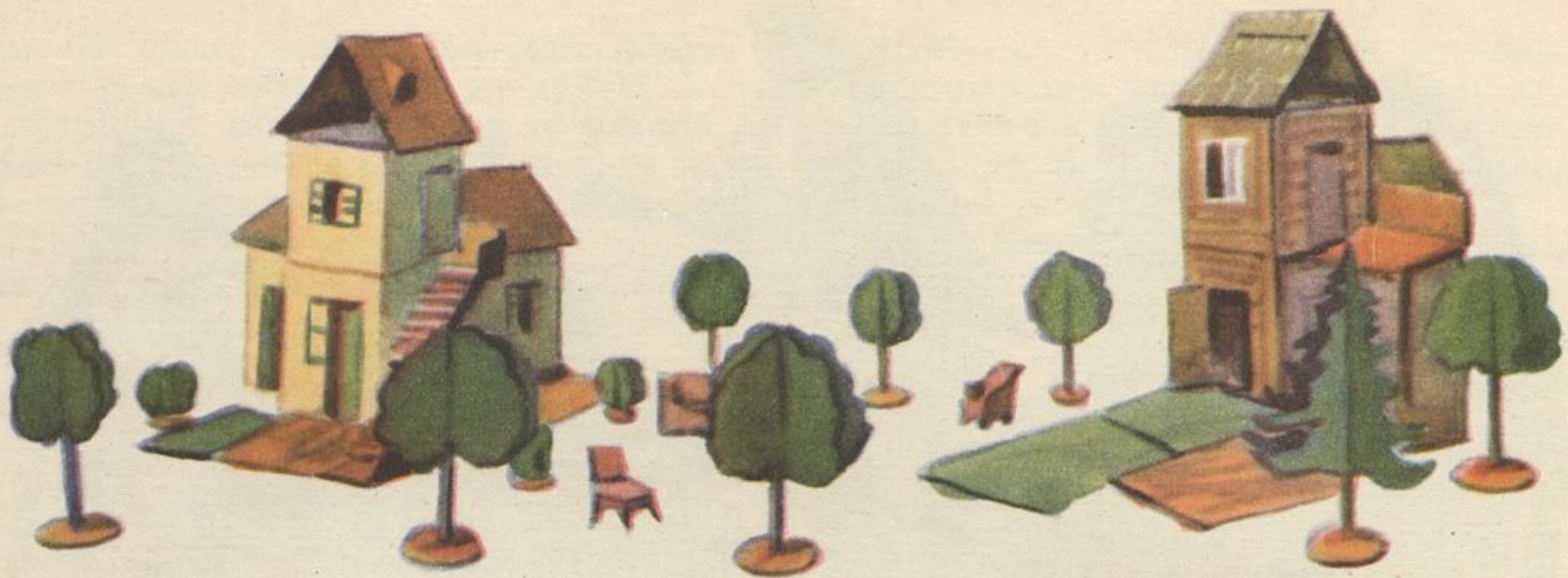
А сделали этих забавных кукол художники Н. Браиладшвили, Н. Беяева и Р. Бегтабегшвили.

ПРОКАЗНИЦА МАРИНЭ

Маринэ — большая щеголиха, очень любит голубой цвет, и потому на ней голубое красивое платье, большой голубой бант, а на ножках новенькие туфельки.

Быть может, этой девочке-щеголихе ничего не нравится, кроме своего платья, банта или туфель?

Вот и ошибаетесь!

Маринэ больше всего на свете любит пускать мыльные пузыри.

Глядите, как она прижимает к себе тазик с мыльной водой, как сжимает в ручке трубку!

Какие красивые пузыри! Как радуется, смотря на эти разноцветные блестящие шарики, Маринэ! Но если вдруг пузырь лопнет, Маринэ отбросит в сторону тазик, закатит глазки и жалобно запищит: «Ма-ма! ма-ма!»

Обидно ей, ведь гости засмеются!

ЧОНГУРИСТКИ

Эти девушки в шёлковых нарядных платьях играют на чонгури — грузинском народном инструменте — песню «Сулико», играют так, что можно заслушаться! Когда дети дружно хлопают в ладоши, они медленно привстают и низко-низко кланяются.

Но если ещё похлопать, ещё попросить, чонгуристки снова сядут и снова сыграют.

А если опять будут хлопки, тогда та, что сидит в середине, руководительница,

встанет и низко поклонится, что значит: «Большое, большое спасибо!»

И больше не ждите, больше они не сыграют.

ТАНЦУЮЩИЕ КУКЛЫ

Пиримзе и Светлана — замечательные танцовщицы.

Их танцевальный зал — это стеклянный стол, натёртый до блеска, чтобы ножкам

было легко скользить. Когда одна танцует, другая спокойно стоит и наблюдает. Чего же им ссориться? Пиримзе танцует «Картули» — грузинский танец, а Светлана отплясывает русскую.

Ну и любят танцевать эти маленькие куклы! Если музыку не остановить, так и пропляшут целый день!

Ничего не скажешь, танцовщицы!

ПАСТУШОНОК ГУРАМИ

Пастушонок Гурами очень серьёзный мальчик. Некогда ему смотреть по сторонам! Он же отвечает за стадо. А вдруг волк нападёт, а вдруг глупые барашки куда-нибудь разбредутся?!

ПРО РЫБ И РЫБАКОВ

8435

Г. АБРАМОВ

УСАТОЕ ЧУДОВИЩЕ

Ему мы дали прозвище:
„Усатое чудовище“!
Живёт он в самом омуте —
Хозяин глубины.
Огромный рот у рыбины,
А глазки чуть видны.
Сам чёрный,
Брюхо серое,
И шевелит усом.
— Узнали вы, наверное?
— Узнали: это сом!

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ ПОГОДЫ

С маленькими усиками,
Юркий,
Скользкий,
Узенький,
Вьон всегда перед дождём
Так и ходит ходуном.

МАЛ, ДА ХОРОШ

Колюч и мелок ёрш,
Зато в ухе хорош!

КТО ТАКОЙ?

Говорили люди встарь:
„Он по ножницам — портной,
По щетине — чеботарь“.

Под водой
Он живёт,
Ходит задом наперёд.

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Рыба в реке — не в руке.
Без труда не выудишь и рыбку из пруда.
Отец — рыбак, и дети в воду смотрят.
День поудишь да малость прикупишь — вот и уха!

На обложке — рисунок В. Андриевича, И. Бруни

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА,
Е. ЕРШОВА (зам. редактора), С. МАРШАК, Ю. НАГИБИН, В. ЩЕГЛОВ

Художественный редактор О. Камкин

Рукописи не возвращаются

Технический редактор А. Бодров

Год издания тридцать второй

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

А00066

Подп. к печати 28/IV 1956 г.

Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8

Тираж 850 000 экз.

Заказ 826

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Суцёвская, 21.